Дездемона осторожно пригубила ароматного чая из фарфоровой чашки, после чего вновь подняла глаза на женщину, сидящую напротив. В некотором смысле Тэн-Тэн Хуан олицетворяла собой все те безумные изменения, произошедшие в их жизни за последнее время.

На первый взгляд это была нежная, словно тонкая, фарфоровая кукла, девушка слегка за двадцать с телом профессиональной танцовщицы или гимнастки. Её шелковистые чёрные волосы были свёрнуты в два аккуратных пучка, а платье ципао с традиционной вышивкой крепко облегало точёную фигуру. Ни дать ни взять идеальная леди восточного образца. Вот только в действительности это была только иллюзия, легко скрывавшая куда более необычную и зловещую картину.

И последние несколько дней Тэн-Тэн постепенно открывала Дездемоне глаза на эту прикрытую глубину. Сейчас миссис Грейнджер уже знала, что её новая подруга с ранних лет готовилась стать убийцей в услужении своего клана. Госпожа Хуан владела множеством видов оружия и магическими боевыми искусствами, которые выводили её и без того сверхчеловеческие способности на совершенно иной уровень. Конечно, Тэн-Тэн не обладала настолько же абсурдной силой, как супергерои верхней планки из любимых комиксов Росса, но если брать тех, кто пониже? Легко.

Как-то раз Дездемона видела, как Тэн-Тэн неуловимым броском пробила навылет палочкой для волос тридцатисантиметровую деревянную балку, в очередной раз подыгрывая Тохо Фухаю, когда тот вновь решил войти в образ «развратного старика». А ведь для них обоих это просто игра.

— Думаю, пришло время поговорить о твоей боевой подготовке, Дездемона, — произнесла Тэн-Тэн, после очередного глотка поставив свою чашку на блюдце.

Грейнджер медленно кивнула. Учитывая обстановку и все последние открытия, она уже некоторое время ожидала, что кто-то поднимет эту тему. Тем не менее, было бы неплохо прояснить некоторые детали.

— Все ли яоджинг обучаются сражаться?

— Не все, нет, но у нам подобных есть тенденция устанавливать крепкую связь между властью и личной силой. Будучи наследником клана Микогами, ты должна быть способна отстаивать своё положение в прямом противостоянии.

— То есть меня могут вызвать на дуэль? — спросила Дездемона, слегка откинувшись на спинку стула.

— И не только, — кивнула Тэн-Тэн. — Ты должна понять, что по сравнению с некоторыми яоджинг, волки могут показаться изысканными аристократами. Само твоё существование вызовет недовольство некоторых японских кланов. То, что тебя закажут убийцам, это даже не возможность, а практически свершившийся факт. И телохранители могут обеспечить безопасность только до некоторой степени.

— А Росс… — Дездемона нахмурилась и поджала губы, — дай угадаю, его могут похитить, чтобы использовать как рычаг влияния на меня или Гермиону, верно?

— Действительно, — согласилась Тэн-Тэн, мягко улыбнувшись. — Ты схватываешь на лету. И поэтому его подготовкой мы займёмся тоже. То, что он человек, несколько усложняет дело, но существуют пути обойти это. Для начала у нас есть несколько отличных инструкторов по

обращению с огнестрельным оружием. В твоём же случае мы начнём первичную подготовку сейчас, постепенно наращивая темп, а после полного преобразования резко увеличим нагрузку. Лучше всего, конечно, начинать такое обучение с детства, так что тебе придется постараться, чтобы наверстать упущенное, но в этом нет ничего невозможного. Кстати, вы с мужем уже решили, где будете жить?

— Пока мы хотим попробовать остаться в Англии, не хочется легко отказываться от родины, но со всеми этими проблемами на магической стороне… — Дездемона поморщилась. Факт того, что в её стране всё ещё процветает неприкрытый расизм на государственном уровне, до сих пор оставался для неё больной темой. — Скажем так, возможный переезд в Японию или Китай всё ещё на повестке дня семейного совета.

— Ну, если вы решите стать нашими новыми соседями, не стесняйтесь обращаться за помощью. Наш клан может легко утрясти все вопросы с бюрократией и обустройством, — улыбнулась ей Тэн-Тэн. — Как я понимаю, вы в любом случае хотели бы продолжить свою стоматологическую практику, верно?

Миссис Грейнджер согласно кивнула, вновь поднеся чашку к губам.

— В таком случае было бы здорово, если бы вы расширили свою клиентскую базу другими народами. Конечно, для этого вам придется изучить несколько вариантов нечеловеческой анатомии…

— О! Это было бы интересно, — оживилась Дездемона. — Думаю, нам следует сделать это в любом случае. А мистер Стоктон и мисс Блэкроуз могли бы помочь с поиском клиентов среди английских яоджинг…

***

Росс Грейнджер задумчиво почесал затылок тупым кончиком карандаша, внимательно вчитываясь в текст на древней латыни.

Накануне вечером у него состоялась познавательная беседа с новоявленным тестем. Они разговаривали на самые разные темы, пытаясь присмотреться друг к другу. В целом, отец Дез произвёл на него положительное впечатление. Как минимум, помимо любви к творчеству Терри Пратчетта, у них нашлось ещё несколько схожих интересов. Вообще, Тенмей казался хорошим человеком (или правильно говорить ёкаем?), идущим по жизни с благими намерениями, но и не гнушающимся тем, чтобы по дороге к своим целям разбить несколько человекообразных «яиц», вероятно, исподволь подталкивая их к единственно правильному обрыву, не позволяя несчастным дурням даже понять, что они просто пешки в партии Тёмного Лорда по прозвищу Стратег Микогами.

Росс не обольщался по поводу своей способности читать такого умудрённого столетиями политика, как Тенмей. О нет, все, что он видел в тесте, было показано совершенно осознано. Если бы они неожиданно не оказались одной семьёй, вряд ли бы тот так очевидно демонстрировал свои тенденции старого манипулятора.

Кстати о манипуляциях. Нынешнее затруднительное положение, в котором оказался Росс, было прямым следствием того, что во время разговора с тестем он разболтал (ох, сколько же

всего он разболтал! И о том, что с детства остался нераскаявшимся гиком, и о том, как старое увлечение фэнтези помогло ему справиться с волшебством дочери, и многое-многое другое), что неплохо владеет латынью и греческим.

И вот, проснувшись сегодня утром, Росс обнаружил на двери своей комнаты волшебный крафт-покет, который выплюнул из себя тяжелую книгу, стоило только коснуться его. Находясь в некотором недоумении, он открыл книгу и, едва увидев первую страницу, искренне порадовался, что перед ним всего лишь отсканированная копия, ведь к оригиналу этого чуда никак не следовало прикасаться за пределами специально контролируемой среды. Записка Тенмея, скрытая за обложкой, ясно дала понять, что за саму возможность увидеть этот том, учреждения вроде Британского музея, не торгуясь заплатили бы целое состояние. В руках Росса оказалась, ни много ни мало, рукопись первого века за авторством древнеримского писателя Светония, о которой не слышал ни один обычный историк.

Наскоро позавтракав, Росс отправился в библиотеку особняка и, обложившись словарями специфических терминов, углубился в чтение.

В своей рукописи древний историк записал факты о магии Римской Империи, которые он собрал после судьбоносной встречи с неким греческим волшебником. Хотя прямо об этом и не говорилось, но по всему выходило, что Светоний оказался обязан жизнью человеку, названному Герпием Александрийским, которого писатель изображал как древнего и мудрого мастера мистических искусств.

Не нужно было быть гением, чтобы понять, почему Микогами подбросил ему этот текст. Современные исторические хроники волшебного мира отличались совершенно беспардонной цензурой и узостью. Это становилось очевидно, стоило только взглянуть на школьные учебники или другие книги его дочери. У древнего трактата, без сомнения, хватало своих недостатков, но благодаря ему можно было взглянуть на истоки нынешней системы без дымки современной политики.

Росс хотел почитать что-то подобное, с тех самых пор, как понял, что любой волшебный продавец книг будет недобро коситься на него при каждой попытке купить что-то не для школы, а в собственную библиотеку. Он и раньше понимал, что такое отношение было следствием сочетания правил Статута и стандартно-презрительного отношения многих волшебников к обычным людям — они с женой хлебнули этого ещё при первом посещении Косого Переулка, хотя тогда новизна и обилие чудес хорошо сгладили острые углы. Сейчас же со слов Микогами выходило, что всё гораздо хуже. Оказалось, что магглы, активно пытающиеся понять волшебный мир, очень быстро оказывались под пристальным вниманием министерства и тут же подвергались обливиэйту, стоило только какому-нибудь чистокровному чинуше подумать, что они стали слишком любопытными. И плевать, что эти люди были родителями юного волшебника, всё, что видело большинство работников, отвечающих за такие вещи отделов, это магглов, забывших своё место.

Честно говоря, тут стоило задуматься о том, не специально ли в обливиаторы и смежные ведомства берут волшебников с преобладающими пуританскими взглядами. А что? Ведь отличный способ убедиться, что они будут выполнять свою работу без жалости и вопросов!

Росс ненавидел ситуацию, в которую их загоняла отвратительная политика волшебного мира Англии и с каждым открытым фактом ненавидел её всё сильнее. Именно поэтому он во что бы то ни стало собирался убедить жену и дочь переехать в Азию. Конечно, они обе явно не хотели оставлять Англию и отличались завидным упрямством, но Росс был уверен, что в конце концов справится. Просто к делу нужно подойти не спеша.

Нет, Грейнджер не обманывался, считая, что в этой части мира всё идеально и хорошо. У азиатских общин яоджинг и ёкаев (японское ли, китайское ли название — не важно) хватало своих минусов и проблем, но на взгляд Росса, местные порядки обладали одним важнейшим преимуществом в сравнение с теми, что царили на его родине.

Семейные узы важнее магии.

Хотя многие яоджинг не переносили на дух обычных людей (или наоборот, обожали, только в виде обеда, а не соседа), но, благодаря культуре, краеугольным камнем, которым были конфуцианские ценности, здесь никому бы и в голову не пришло насильно исключать его из жизни дочери. Как отец он имел полное право участвовать в решении вопросов, касающихся Гермионы, и не важно, что он человек, а она ведьма. Для местных его попытки понять волшебный мир, чтобы лучше растить своего ребёнка, это поступки ответственного родителя, а не раздражитель.

«Любопытно, — подумал Росс, дойдя до места в рукописи, которое отличалось от прочего текста. — Кажется, это прямая цитата слов Герпия, а не мысли самого Свентия. Посмотрим-посмотрим…» — Он снова углубился в чтение, периодически сверяясь со словарями.

«Многие волшебники утверждают, что не ведают об истинном происхождении своего рода. Чушь! Любой, кто обладает хоть каплей здравого ума, способен понять, что подобно полубогам, обладатели дара магии несут в себе нечеловеческое наследие. Например, в моих жилах течёт толика крови дракайны*, и с возрастом черты Великих Змиев всё чётче проявляются в моей внешности. И они смеют утверждать, что не видят ничего подобного в себе? Дурость и самомнение, вот как я это называю. Попытка закрыть глаза на очевидные доказательства, это нижайшая низость, на какую только способен обладатель разума!

В своё время в качестве советника Птолемея я сопровождал войска Александра в его походе и к востоку от Вавилона видел множество даже более наглядных доказательств этого, чем моя собственная кровь.

В царстве Паурава один брахман показывал мне тексты, рассказывающие о временах,

которые мы, греки, могли бы назвать эпохой правления Кроноса. В них говорилось о народах, чья волшебная мощь считалась бы истинно божественной многими современниками; о летающих городах, которые могли пролить реки огня с небес, опустошая целые страны; о могучих драконах, которых седлали словно обычных лошадей. Там говорилось о гекатомбах, где люди были просто скотом, приносимым в жертву кровожадным Богам по повелению могучего царя ракшасов, Равана.

Те же тексты открыли мне и часть забытой правды нашего происхождения. Там говорилось о том, как владыка ракшасов даровал своей любимой человеческой рабыне волшебство, принеся в жертву поверженного врага.

Я многое почерпнул в трактатах этих древних народов, как для понимании прошлого нашего мира, так и для развития своего собственного искусства».

— Ладно, это … познавательно, — пробормотал Росс, устало потирая глаза. «И тревожно, учитывая, что ракшасы — просто другое название фоморов. Но ведь именно этого и добивался этот старый хитрец, верно? Наверняка, кроме всего прочего, Тенмей подбросил мне эту книгу,

чтобы посмотреть, как я отреагирую на кусочки истории о родственниках со стороны жены», — подумал он.

— Пап, ты тут? — позвала его Гермиона, входя в библиотеку.

— Да, дочка, — откликнулся Росс.

— Читаешь что-то интересное? — спросила она, усаживаясь рядом.

— Ну, это не совсем Некрономикон, но чтиво, конечно, увлекательное, хотя и тяжеловатое, — хмыкнул Росс, массируя висок. — Помнишь, как вчера усмехался твой дед, когда я проболтался, что неплохо читаю на классической латыни?

— Вот так? — спросила Гермиона, одарив его зубастой усмешкой «темного властелина».

— Во имя Юпитера! Это наследственное! — воскликнул Росс, подняв руки в притворном ужасе.

— Юпитера? — повторила Гермиона, широко открыв глаза. — Пап, ты точно уверен, что эта книги безопасна?

— О, моя дорогая дочь, я всё утро только и делал, что читал в оригинале тексты именитого римского мыслителя, так что теперь имею полное право поминать Юпитера, когда и как хочу, — заявил он, улыбнувшись дочери.

— Ладно, как скажешь, но лавровый венок я тебе не дам, — хихикнула она, после чего подсела вплотную, чтобы заглянуть в книгу. — Я могу чем-то помочь?

— Ну, пожалуй… — протянул Росс. Гермиона отвернулась от текста, и вопросительно посмотрела отцу в глаза. — Ты когда-нибудь слышала про греческого волшебника по имени Герпий Александрийский?

— Не знаю… может быть, — чуть помедлив, ответила Гермиона, задумчиво хмурясь. Глядя на это, Россу с большим трудом удавалось сдерживать желание потрепать её по голове. С третьим глазом — сейчас закрытым — усиленная работа мысли его малышки выглядела ещё более умилительно, чем обычно. — В книгах о парселтанге упоминался какой-то Герпий Злостный, как первый задокументированный обладатель этой способности. Он был греком и… изобретателем множества тёмных проклятий.

«Мда, последнее меня что-то совсем не удивляет», — подумал Росс.

— Интересный пояс, — сказал он, заметив новую деталь одежды дочки. — Ещё одна форма твоего жезла?

— Ага, — ответила Гермиона, глянув вниз. — Меня из-за него постоянно шатало, а так справляться с его странной инерцией куда проще.

— А ты можешь превратить его в полуторный меч?

— Конечно.

Повинуясь приказу хозяйки, жезл скользнул с талии в её руки, быстро став длиной с неё саму.

— Как насчёт гарды в виде пары когтей и светящихся рун на лезвии? — предложил Росс, пряча улыбку.

— Папа, это не Буреносец! — тут же возмутилась Гермиона, быстро опознав проклятый клинок из любимых книг отца.

«И слава господу за эту милость», — подумал он. Жуткая сила Черного меча из Саги о Элрике не принесла своему хозяину ничего хорошего.

— Прости-прости, — откликнулся Росс, с усталым вздохом откинувшись на спинку стула. — Я просто только что прочитал очень познавательные заметки о древних ракшасах и эта отсылка очень уж хорошо вписывалась в настроение, нда.

— Ох, Мерлин, — пробормотала Гермиона, опустив плечи. — Они похожи на мелнибонийцев? — спросила она, вспоминая, что отец рассказывал ей об этом, когда объяснял, почему ей пока рано читать эти книги.

На мгновение Росс заколебался, не зная, что сказать. Его маленькой девочке всего тринадцать, но… учитывая то, что ей уже пришлось пережить и с тем, как шли дела, лучшей защитой будет точная информация, а не умалчивание и приукрашивание. Как ни печально, её невинное детство стремительно уходило в прошлое, и как отец он должен сделать всё возможное, чтобы помочь ей приспособиться к опасностям жизни.

— Если то, что Герпий рассказывал автору, правда, и я правильно всё понял, то да, — признал Росс. — В последнем куске, который я успел перевести, как раз рассказывалось о том, что обычного человека можно наделить волшебством с помощью жертвоприношения.

— Дедушка тоже упоминал об этом, когда мы обсуждали магические ядра, — вздохнула Гермиона, но почти сразу оживилась и добавила: — Но ещё он говорил, что это же самое можно сделать и не таким злым путём. Пап, ты… ну… — замялась девочка.

Росс внимательно посмотрел на дочь. В её глазах плескалась надежда и глубокий потаенный страх, которому было совсем не место в глазах ребёнка. Страх потерять его.

— Я обещаю подумать об этом, Гермиона, но думаю, мне лучше остаться обычным человеком, — наконец произнёс он. Гермиона вскинулась, явно желая протестовать, но Росс остановил ее, подняв руку и продолжил: — По крайней мере, на какое-то время. С той бурей, в которую превратилась наша жизнь, твоей матери нужна хоть какая-то стабильная опора, да и тебе, думаю, тоже.

***

Гарри сидел в гостиной Гриффиндора и невесело смотрел в окно. Завтра в Хогвартсе снова начнутся занятия, и Гермиона на них не появится. По крайней мере, её последнее письмо чётко говорило именно об этом.

— Эй, Рон, Гермиона прислала письмо, — сказал он другу, когда только что вошел в гостиную, затем протянул ему письмо.

Рон плюхнулся в кресло, углубившись в чтение, а Гарри снова отвернулся к окну. Он смотрел вдаль, представляя, что где-то там, за горизонтом, находится далёкая Азия, а его мысли блуждали по недавно прочитанному тексту.

Дорогие Гарри и Рон.

Надеюсь, у вас в Хогвартсе всё хорошо, а новый семестр начнется, как обычно. У меня занятия начались ещё первого января, и это немного сбивало с толку (не то чтобы я против, но все-таки!), но сифу сказал, что настоящий новый год всё равно только через месяц (это по китайскому календарю) и отдохнуть я ещё успею.

Уроки сифу совсем не похожи на хогвартские. Наверное, это потому, что тут только я и мой кузен Фан-Фан (это китайское имя, а не дурацкое, Рон!), так что учитель может подстраивать программу под нас.

Но я не только занимаюсь магией с дядей Фухаем, у меня много других дел. Я уже начала помаленьку изучать китайский и японский, чтобы обходиться без переводчика. Мама Фан-Фана решила, что мне обязательно нужно хотя бы немного изучить боевые искусства ради самообороны и поэтому теперь каждое утро я хожу к ней на тренировки. А ещё дедушка выдал мне целую кучу книг о политике и стратегии, по каждой из которых теперь устраивает небольшие опросы, как только я заканчиваю их читать. Прямо сейчас я начала изучать «Книгу Пяти Колец», написанную в восемнадцатом веке японским самураем (это что-то вроде рыцарей) Мусаси Миямото. Это точно будет очень и очень интересно, но следующие пару недель я, наверное, буду сильно занята…

Жаль, что Малфой ничего не знал о комнате. Хотя, если подумать, было глупо рассчитывать, что всё будет так легко. Я рассказала про всё, что происходило в школе сифу, и дедушке, после чего мы устроили мозговой штурм и пришли к некоторым выводам и идеям.

Во-первых, то, что мы пропустили: помните, прямо перед тем, как мы нашли оцепеневшую Миссис Норрис, Гарри услышал голос, который ни я, ни Рон не могли слышать? На самом деле мы, наверное, могли, но не обратили внимания, посчитав просто сквозняком. Гарри, для тебя парселтанг ничем не отличается от обычной речи, верно? Возможно, ты тогда слышал чье-то шипение, которое мы с Роном просто не могли понять. Следовательно, за оцепенениями стоит какая-то змея. Очень подходит Слизерину, правда же?

Во-вторых, Добби: дедушка мне многое рассказал о домовых эльфах и… ну мне нужно ещё во многом разобраться, прежде чем говорить что-то конкретное. Сейчас важно то, что он сказал тебе, что Тайная Комната уже открывалась. Теперь благодаря Малфою мы знаем, что случилось это где-то в 1943, и в тот раз кто-то умер. Конечно, в то время была война и некоторые ученики могли погибнуть под бомбёжками, но волшебников слишком мало, чтобы такие случаи происходили часто. В библиотеке есть подшивка Ежедневного Пророка, а такие события привлекают внимание прессы. Попытайтесь узнать, кто из учеников погиб в том году, возможно, это поможет продвинуться дальше.

В-третьих, свидетели: Дамблдор и Биннс были единственными учителями, которые в то время уже работали в школе, но они совсем не самые старые жители Хогвартса. Портреты и призраки обитают в замке столетиями, а некоторые, возможно, помнят ещё Основателей! Порасспрашивайте их, может, кто-то что-то знает.

На этом всё. Я буду продолжать собирать информацию со своей стороны. Не забывайте писать мне обо всем, что узнаете. Пожалуйста, берегите себя и… старайтесь поменьше лезть в неприятности.

С любовью, Гермиона.

— Что у неё там за родственники такие? — обескуражено спросил Рон, закончив читать письмо. — Видел, сколько заданий они на неё навалили? Да ещё и политика? Она что, теперь метит на место в Визенгамоте?

Гарри хотел ответить, но сдержался. Всё же не стоило обсуждать это с Роном, пусть он и был хорошим другом, но воспитание, наверное, не даст ему спокойно разобраться в том, что он мог сказать.

Вскоре после первого письма Гермионы Гарри подошел к Флитвику, чтобы расспросить его про Тохо Фухая, справедливо рассудив, что полугоблин будет наименее предвзятым из тех, с кем он мог поговорить. Когда Гарри рассказал декану Рейвенкло, у кого будет учиться Гермиона, тот ответил:

— Твоей подруге очень повезло попасть в ученицы к такому мастеру, Гарри. Но ты должен быть готов к тому, что его учение сильно повлияет на неё. Тохо Фухай родился в те времена, когда мир был куда более опасным местом, чем сейчас.

«И теперь она пишет о боевых искусствах, стратегии и самураях…» — подумал Гарри.

— Ну, ты же знаешь, как она любит учиться. Думаю, она только рада новым заданиям, — наконец ответил он на реплику друга.

— Это точно, — согласился Рон. — Но всё равно, даже для неё это кажется многовато. Работать первого января? Они там совсем с ума посходили!

— Может, и так, — хмыкнул Гарри. — Что думаешь о её идее насчёт свидетелей? В этом есть смысл, верно? Взять хоть того же Пивза… сколько лет он уже достаёт весь замок?

— Верно, но, может, найдём кого-то, кто не закидает нас навозными бомбами вместо того, чтобы отвечать на вопросы, а? — сказал Уизли, с надеждой глянув на Поттера.

— Предлагаю начать с портретов, — решил Гарри.

http://tl.rulate.ru/book/30207/649243